

М. А. КОРФ

Восшествие на престол Николая I

<Фрагмент>

25-го Ноября, вечером, великий князь Николай Павлович играл в Аничкином доме с своими детьми, у которых были гости. Вдруг, часов в 6-ть, докладывают, что приехал С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович. Великий князь вышел в приемную. Милорадович ходил по ней скорыми шагами, весь в слезах и с платком в руке. «Что это, Михайло Андреевич? Что случилось?» — «Il y a une horrible nouvelle, Monseigneui!» — Великий князь поспешно ввел его в кабинет и старый воин, взрыдав, подал письма от князя Волконского и барона Дибича: «l'Empereur se meurt, — прибавил он, — il n'y a plus qu'un faible espoir!» — У Николая Павловича подкосились ноги. Чтобы прочесть письма, он принужден был сесть. В них извещали, что хотя не вся еще надежда потеряна, но положение государя очень опасно. Первая мысль сына обратилась к матери; но пока он обдумывал, как бы с возможной осторожностью передать ей ужасную весть, все было уже объявлено императрице¹ приближенным ее секретарем Вилламовым², к которому также были письма из Таганрога. В ту минуту как великий князь, рассказав о полученном известии своей супруге³, готовился ехать к родительнице, она сама прислала за ним из Зимнего дворца. Великий князь нашел ее в том смертельном встревожении, которого боялся. Состояние императрицы было до того ужасно, что нежный сын не решился ее покинуть и остался на всю ночь близ ее поочивальни, в камердинерской комнате, с адъютантом своим и сотоварищем

молодости, Владимиром Федоровичем Адлербергом*. Разговор их сосредоточился естественно на полученной из Таганрога вести, и великий князь, между прочим, сказал: «Если Бог определит испытать нас величайшим из несчастий, кончиною государя, то, по первому известию, надобно будет тотчас, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину». Ночью императрица часто призывала к себе сына, ища утешений, которых он не в силах был ей подать. Под утро, часов в 7-м, приехал фельдъегерь с известием о перемене к лучшему и с письмом от императрицы Елизаветы Алексеевны⁴. «Il y a un mieux sensible, — писала она, — mais il est très faible». После обедни и молебства о здравии, день 26-го прошел в борьбе между страхом и надеждою. Утром 27-го также назначены были обедня и молебствие. Императорская фамилия, с некоторыми приближенными, слушала Божественную службу в большой дворцовой церкви; прочие знатнейшие сановники были собраны в Александро-Невской лавре. Во дворце императрица стояла возле алтаря, в ризнице, откуда вела стеклянная дверь в переднюю. Великий князь стал там же и приказал старому камердинеру императрицы, Гrimmu⁵, в случае если бы приехал новый фельдъегерь из Таганрога, подать ему знак в эту дверь. Едва кончилась обедня и начался молебен, знак был подан. Великий князь тихо вышел из ризницы и, в библиотеке бывшей половины короля прусского⁶, увидел графа Милорадовича⁷, по лицу которого тотчас угадал ужасную истину**. «C'est fini, Monseigneur, — сказал граф, — courage maintenant, donnez l'exemple» — и повел его под руку; у перехода, бывшего за прежнею Кавалергардскою залою***, великого князя оставили последние силы; он упал на стул и послал за лейб-медиком императрицы Рюлем⁸, без которого опасался нанести ей удар. Рюль скоро явился, и тогда они пошли втроем. Молебен еще продолжался; но от императрицы не укрылось продолжительное отсутствие ее сына. Она стояла на коленях в томительной тревоге ожидания. Войдя в ризницу, великий князь безмолвно простерся на землю. По этому движе-

* Ныне граф, генерал-адъютант, министр Императорского двора и уделов, канцлер Российских орденов и командующий Главною императорскою квартирой.

** Известие в Петербург пришло, следственно, почти двумя сутками позже, нежели в Варшаву. Письмо к императрице барон Дибич прислал дежурному генералу Потапову, который вручил его Милорадовичу.

*** Теперь Александровская зала; перехода более не существует.

нию сердце матери все поняло, и страшное оцепенение сковало ее чувства: у нее не было ни слов, ни слез. Великий князь прошел через алтарь, остановил службу и провел к своей родительнице совершившего молебен духовника ее, Криницкого⁹, с крестом. Тогда только, приникнув к распятию, она могла пролить первые слезы. «Вдруг, — пишет один из свидетелей этого события*, — когда после громкого пения певчих в церкви сделалось тихо и слышалась только молитва, вполголоса произносимая священником, раздался какой-то легкий стук за дверями — от чего он произошел, не знаю: помню только то, что я вздрогнул и что все, находившиеся в церкви, с беспокойством оборотили глаза на двери; никто не вошел в них; это не нарушило молчанья, но оно продолжалось недолго — отворяются северные двери: из алтаря выходит великий князь Николай Павлович, бледный; он подает знак рукою к молчанию: все умолкли, оцепенев от недоумения; но вдруг все разом поняли, что императора не стало; церковь глубоко охнула, и через минуту все пришло в волнение; все слилось в один говор криков, рыдания и плача. Мало-помалу молившиеся разошлись, я остался один; в смятении мыслей я не знал, куда идти, и, наконец, машинально, вместо того чтобы выйти общими дверями из церкви, вошел северными дверями в алтарь. Что же я увидел? Дверь в боковую горницу отворена; там императрица Мария Федоровна, почти бесчувственная, лежит на руках великого князя; перед нею, на коленах, великая княгиня Александра Федоровна, умоляющая ее успокоиться: “Maman, ch're maman, au nom de Dieu, calmez-vous!” — В эту минуту священник берет с престола крест и, возвысив его, приближается к дверям; увидя крест, императрица падает пред ним на землю, притиснув голову к полу почти у самых ног священника. Несказанное величие этого зрелища меня сразило; увлеченный им, я стал на колена перед святынею материнской скорби, перед головою царицы, лежащей в прахе под крестом испытующего Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли, посадили в кресла, понесли во внутренние покои; двери за нею затворились...»

Долг сыновний был исполнен. Предстоял еще другой священный долг — старшего сына Русской земли. Оставя императрицу

* Славный наш Жуковский, в то время наставник великого князя Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора.

в объятиях своей супруги, великий князь вышел к внутреннему дворцовому караулу — в тот день от роты Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка, под командою поручика Граве*, и объявил людям, что Россия лишилась отца; что теперь на всех лежит обязанность присягнуть законному государю Константину Павловичу и что он, великий князь, сам идет принести ему присягу. Повторив точно то же двум другим внутренним караулам, Кавалергардскому и Конногвардейскому, он велел дежурному генералу Потапову** принять присягу от главного дворцового караула, а адъютанту своему Адлербергу — от Инженерного ведомства, которого, как мы уже сказали, был главным начальником¹⁰. Потом великий князь, с графом Милорадовичем и генерал-адъютантами князем Трубецким¹¹, графом Голенищевым-Кутузовым¹² и другими, тут находившимися, пошел в малую дворцовую церковь; но узнав, что она после разных в ней переделок еще не освящена, возвратился в большую, где еще оставалось духовенство после молебствия, и здесь присягнул императору Константину и подписал присяжный лист. Примеру его последовали все бывшие с ним и еще разные другие, случившиеся тогда во дворце, военные и гражданские чины.

Из церкви великий князь поспешил опять к императрице. Она была в своих покоях, сраженная печалью, но исполненная христианской покорности к Промыслу Всевышнего. Николай Павлович сообщил ей, что уже выполнил первый долг свой к новому государю и что все караулы, а также Милорадович и многие другие вместе с ним присягнули. «*Nicolas, qu'avez-vous fail!* — воскликнула императрица с ужасом, — *ne savez-vous done pas qu'il y a un acte qui vous nomme le ritier presomptif?*» — Великий князь впервые положительно о том слышал. «*S'il y en a un,* — отвечал он, — *il ne m'est pas connu et personne ne le sait; mais nous savons tous que notre maître, notre Souverain légitime après l'Empereur Alexandre, est mon frère Constantin; nous avons donc rempli notre devoir: advienne ce qui pourra!*»¹³

Пока все описанное нами происходило во дворце, в церковь Александро-Невской лавры, во время причастия, вошел на-

* После адъютанта государя наследника цесаревича Александра Николаевича, а ныне уволенный от службы генерал-майор.

** Потом корпусный командир и наконец член Государственного и Военного советов и шеф Рижского драгунского полка. Умер в 1847 г.

чальник штаба гвардейского корпуса Нейдгардт^{*14}, и передал горестную весть командовавшему корпусом генералу Воинову¹⁵. В одну минуту она разнеслась по всей церкви и обнаружилась общим рыданием. Из числа находившихся в монастыре близкие ко двору, между ними князь А. Н. Голицын¹⁶, поспешили в Зимний дворец. Поднимаясь еще на лестницу, Голицын узнал, что здесь все уже кончено. Он тотчас велел доложить о себе великому князю и, вне себя от потери обожаемого монарха, не скрыл своего отчаяния и о совершившемся во дворце. Подтверждая сказанное императрицею, он стал укорять Николая Павловича за принесенную им присягу и требовал повиновения воли покойного государя.

Великий князь, с своей стороны, изъяснял, что эта воля никогда не была оглашена и даже для него оставалась тайною; говорил, что присягою хотел утвердить уважение свое к первому и коренному закону о непоколебимости в порядке престолонаследия, уничтожить самую тень сомнения в чистоте своих намерений и охранить Россию даже от мгновенной неизвестности о законном ее государе; прибавил, что сделанное — уже невозвратно, но если бы и могло быть возвращено, то он поступил бы опять точно так же; наконец, решительно отверг требование Голицына, как казавшееся ему совершенно неуместным, тем более что старший брат, которому принадлежит престол по закону, находится в отсутствии. Обе стороны были в неудовольствии: одна — за настойчивое вмешательство, другая — за упорную неуступчивость. Расстались довольно холодно.

Отсюда начался тот величественный эпизод в нашей истории, которому подобного не представляют летописи ни одного народа. История — повторим за одним великим писателем — есть не иное что, как летопись человеческого властолюбия. Приобретение власти, праведное или неправедное, сохранение или распространение приобретенной власти, возвращение власти утраченной — вот главное ее содержание, около которого сосредоточиваются все другие исторические события. У нас — она отступила от вечных своих законов и представила пример борьбы неслыханной, борьбы не о возладании властью, а об отречении от нее!

* Потом генерал-адъютант, командир отдельного Кавказского корпуса, сенатор; умер в 1845 г., в звании члена Военного совета.

Того же 27-го числа, к двум часам пополудни, возвещено было чрезвычайное собрание Государственного совета*. Известие о совершившейся присяге первый принес туда рыдающий князь Голицын. Пока собирались члены, он передавал приезжавшим разговор свой с великим князем и порицал напрасную поспешность его присягнуть, потому что в Совете есть особая бумага о порядке наследия. К этому Голицын присоединил еще другие, приведенные выше подробности: что вся бумага переписана его рукою; что экземпляры ее находятся также в Синоде и в Сенате; наконец, что подлинный акт положен на престол московского Успенского собора, с приказанием, по кончине государя, конверт, в котором лежит акт, вскрыть военному генерал-губернатору и епархиальному архиерею. Не смотря на то, министр юстиции, князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский¹⁷, один из присягнувших уже новому императору, изъявил мысль, что бумаги вскрывать не нужно, и говорил далее, что не сделает этого в Сенате, что Совет есть только государева канцелярия и что «les morts n'ont point de volont». В таком же смысле и адмирал Александр Семенович Шишков¹⁸, с отличавшим его искусственным жаром, утверждал, что империя ни на одно мгновение не может остаться без монарха и что от воли Константина Павловича будет зависеть принять престол или нет; но что по порядку присягнуть ему должно. Все прочие члены, однако же, были противного мнения и полагали, что необходимо сперва распечатать конверт и прочесть хранящийся в нем акт. Тогда председатель Совета князь Лопухин¹⁹ послал правившего должность государственного секретаря Оленина в архив за конвертом, который, по освидетельствовании целости печати, был вскрыт, и находившиеся в нем бумаги, известные уже нам по их содержанию, прочитаны перед Советом во всеуслышание.

Но едва только — сказано в журнале Совета — «выслушана была с надлежащим благоговением, с горестными и умиленными сердцами последняя воля блаженной “и вечнодостойной памяти Государя Императора Александра Павловича, ознаменованная в копии с Высочайшего манифеста, скрепленной собственноручно покойным Государем Императором”, как граф Милорадович, кото-

* Совет имел тогда свои заседания, как и ныне, в Зимнем дворце, но в главном его корпусе, близ темного коридора, в теперешней зале великого князя Михаила Николаевича, где стоит большая модель корабля.

рый с должностью С.-Петербургского военного генерал-губернатора соединял и звание члена Совета, объявил собранию, “что Его Императорское Высочество великий князь Николай Павлович торжественно отрекся от права, предоставленного ему упомянутым манифестом, и первый уже присягнул на подданство Его Величеству Государю Императору Константину Павловичу”».

Все члены были в величайшем смущении. Совет, который всегда, и дотоле и после, составлял — по справедливому замечанию князя Лобанова — более лишь канцелярию государеву, вдруг, в минуту самую торжественную и многознаменательную для империи, в минуту решения вопроса о престолонаследии, поставлен был, силою обстоятельств, на степень государственной власти*. Возвещение, что назначенный манифестом наследник отрекся от престола, сделанное Совету на словах и через третье лицо, не могло, конечно, уничтожить общего колебания.

«Члены Государственного Совета», — сказано далее в его журнале, — «по кратком совещании, обратились с просьбою к графу Милорадовичу о исходатайствовании у Его Императорского Высочества дозволения Государственному Совету явиться пред лице его Высочества, дабы удостоиться из собственных его уст услышать непреложную его по сему предмету волю». Просьба их была принята, и Совет ввели в бывшие комнаты Михаила Павловича**, где ожидал Николай Павлович. «Тут, — продолжает журнал, — Его Высочество изволил всему Государственному Совету сам изустно подтвердить, что ни о каком другом предложении слышать не хочет, как о том только, чтоб учинить верноподданническую присягу Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу, как то он сам уже учинил; что бумаги, ныне читаемые в Государственном Совете, Его Высочеству давно известны и никогда не колебали

* Из донесения Следственной комиссии известно, как один из заговорщиков, говоря после об этом событии, выразил, дерзким словом, свою преступную досаду: «...потерян случай, которому подобного не будет в целые пятьдесят лет, — сказал он, — если б в Государственном совете были головы, то ныне Россия присягнула бы и новому государю, и новым законам!» — Но по милости Всевышнего, в Совете были умы государственные, которые превосходно понимали и свой долг, и благо России!

** Где ныне собственные покой государя императора Александра Николаевича, через коридор от тогдашней залы Совета.

Его решимости; а потому, кто истинный сын Отечества, тот немедленно последует его примеру». После сего, по усиленной просьбе членов Совета, его императорское высочество, прочитав поднесенные правящим должностем Государственного секретаря раскрытые в собрании Совета бумаги, поспешил предложить членам идти в придворную церковь для учинения надлежащей присяги на верное подданство государю императору Константину Павловичу. В следствии сего, министр юстиции донес его высочеству, что как он имеет в Правительствующем Сенате бумаги, подобные тем, которые хранились в Государственном Совете, то уже не будет раскрывать оных в Правительствующем Сенате.

